

ФНН
АЛЕКСАНДРОВСКАЯ

Музык

и камень

Анна Александровская

Мужик и камень

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Александровская А.

Мужик и камень / А. Александровская — «ЛитРес: Самиздат»,
2015

Главный герой – мужчина, презирающий любовь во всех ее проявлениях. Он считает любовь человеческой слабостью, заблуждением, басней, рассказанной в детстве, и на дух не переносит тех, кто поддался ее власти. Кроме того, живет Гомозов, этот самоуверенный мужчина в особенном городе, где все влюбленные поднимаются в воздух и парят над землей, поэтому упустить их из вида просто невозможно.

Анна Александровская

Сухие камни у реки затронет водой.

Когда будет прилив.

Мужик и камень.

Неизвестно в какой стране, не считите за неясность, и даже неизвестно в какое время, жил-был мужик, самый, что ни на есть обычный. Да и город, в котором обитал этот мужик, ничем среди других не выделялся. Не выделялся, и все тут. Но так может показаться только на первый взгляд. Мы же с вами не будем торопиться с поспешными выводами, и присмотримся к этому городу получше. И тогда мы увидим, что одна черточка, один короткий тоненький штришок все же отличал его от других городов.

Была у него такая особенность, у этого города, надо сказать, очень правдивая, невероятно правдивая: полюбит кто-нибудь из жителей в нем, да так, чтоб по-настоящему – и поднимается ввысь и парит себе в воздухе, словно птица четырехпалая, над домами, над горами, да долами. Парит себе, летает, вместо того, чтобы на двух ногах, как тварь земная, сушая, по земле твердой передвигаться. Где б увидеть такое? Нигде не увидишь! А вот там было, чистой воды правда. И никто этому не удивлялся, а принимали как само собой разумеющееся, или не замечали вовсе. Некоторые только посмеивались, по-доброму: «Смотри-ка! Василий влюбился! Во как взлетел! Во как парит! Хорошо парит... Винтокрылый!» Сварливые бабы, и те перешептывались без злобы, только для их языков появлялась новая благотворная пища для обсуждений. Лишь один мужик, один единственный мужик переносить этакой картины не мог. Как взглянет на летящего – так и воротит его от злобы, дыхание перехватывает, а внутри – каждая поджилка сотрясется. Имя ему Филолет Степанович Гоомозов, о нем и пойдет речь.

Четверг. Гоомозов поднялся часов около семи и направился в ванную комнату на водные процедуры. Через некоторое время, он был уже одет и стоял на выходе из своего одноэтажного частного дома, окруженного десятком пятиэтажных «высоток», наполненных крохотными сжатыми квартирками.

Такие квартирки Филолет Степанович Гоомозов не любил. Ему нравилось жить в своем, обособленном от присутствия посторонних, жилище. Тут никто не хлопал дверьми, не было слышно стука металлических каблуков, доносившегося с гулкой площадки, никто не кричал этажом ниже в праздничные дни, сверху никто не затоплял – не портил только что сделанный ремонт. В общем, как он считал, в его частном, пусть и стоявшем на отшибе, доме были все условия для спокойной уравновешенной жизни, жизни без излишних тревог и переживаний. А их у Филолета Степановича Гоомозова без того хватало.

До работы Гоомозов решил прогуляться пешком. До нее было всего несколько остановок. Тем более, что имелась возможность

путь сократить, пройдя по старому, заросшему, давно взявшему природный верх над человеческим контролем, парку.

После безостановочной ходьбы длиной в четверть часа, Филолет Степанович, наконец, вошел в серое здание, поднялся на второй этаж и остановился у одного из кабинетов. На секунду Гомозов перевел взгляд на свои усердно начищенные ботинки – они были в порядке, затем поправил перекрахмаленный воротничок своей сорочки и, выпрямившись в туго натянутую струну, вскинул руку и деликатным движением постучал в дутую клепанную кожаную дверь. Раздалось приглушенное, еле слышное постукивание, словно похлопали по подушке, плотно набитой ватой.

– Да, да! Входите! – донесся голос из-за двери.

Гомозов нерешительно приоткрыл ее.

– Доброе утро!

– Ах! Вы! Это вы, Филолет Степанович! Здравствуйте! – сказал, приподняв голову с обрюзгшими щеками, человек, одиноко сидящий в комнате за большим лакированным столом. – Хорошо, что вы заглянули прямо таки с утречка. С утречка... Я вам там в ваш кабинетик папочку положил. Сделайте отчетик, пожалуйста.

Думаю, много времени это у вас не займет. Постарайтесь за сегодня управиться.

– За сегодня? – опешил Гомозов. – Но, Федор Иванович...

Мне не справиться с ним за сегодня!

– Справиться, справиться! Не припоминаю того, чтобы вы – да и не справлялись! Для вас же это «тьфу» – да и на полку! Как говорится, пустое дело!

– Ну если – «тьфу» – да и на полку... Это же не дело, так.

– Да что вы к словам-то цепляетесь, Филолет Степанович. Ей Богу! – насупился человек за лакированным столом и простодушно перевел взгляд на окно.

– Вы понимаете, там же подсчеты за весь квартал... –

объяснял Гомозов. – И они ведь должны сойтись! Раньше вы мне давали на это три дня. А второпях-то оно разве сойдется?

– Хе-хе! Понимаю, понимаю... Как же не понимать! Раньше – три, а теперь один! Все должно сойтись, говорит... – руководитель деловито надул щеки, перевел взор на Гомозова и тут же отрапортовал: – А вы считайте точнее! И все у вас сойдется! Непременно, все сойдется! Тем более, в ваших же интересах! Ведь вы у нас как-никак наивысшую материальную ответственность несете! И кому, как не вам, к этому делу со всей серьезностью подходить? Ну! Что вы голову-то повесели?! Выше нос! А отчет мне нужен завтра, это уж не по моей нужде, ни на день нельзя задерживать! Так что, Филолет Степанович, – будто сам ни при чем, начальник пожал плечами и заговорил уже с некоторой досадой: – Филолет Степанович... А я ведь на вас такие планы возлагал! Вся надежда была на вас! А вы... – он глубоко вздохнул. – Делов-то там... Да особенно для вас! Ну что, возьметесь? Возьметесь, а?

Подчиненный не спешил отвечать на поставленный вопрос, тогда руководитель вступился сам:

– Возьметесь, возьметесь, куда ж вы денетесь?! Только завтра, уже готовый отчет – ко мне на стол! Прошу изволить!

– Федор Иванович... – протянул Гомозов неуверенно. – Я, конечно, попробую за сегодня управиться. Но...

– Управитесь, управитесь! Управитесь, Филолет Степанович, а не попробуете! Я вас очень хорошо знаю! Управитесь! Да там и работы-то... «Тьфу» – и готово! Ну что же трагизмом-то ситуацию наполнять?! Смотрите на вещи прямо, смело! И, прошу вас, не теряйте времени, когда каждая секунда на счету! Идите же! Идите!

Только завтра, не забудьте, готовый отчетик мне на стол, будьте любезны!

На заключительную фразу своего руководителя Филолет Степанович оправил волосы движением руки назад, направился к двери и вышел. А для себя он уже знал, что «отчетик» заставит его задержаться сегодня до позднего времени, исключить обед и перерывы, и работать, не поднимая головы, не отвлекаясь ни на секунду, тогда дай Бог, и успеет, да и сойдется все – его воображение все-таки предполагало этакую удачу.

Через несколько мгновений раздумий, предстоящий напряженный день уже не сильно расстраивал Филолета Степановича. Подумаешь, пропустить обед и перерывы, да и домой незачем торопиться. А лентяй из Гомозова выходил никудышный: потрудиться сверх нормы на благо канторы он был всегда не прочь. Не припоминалось такого, чтобы он когда-либо противился. Глядишь, и премию выпишут... Сама работа ему нравилась, только утомляла слишком. До тошноты. А впрочем, что это за работа такая, если она не утомляет, объяснял он себе.

Закончил Филолет Степанович около одиннадцати. Голова пухла от мыслей, необходимо было расслабиться. Но это оказалось невозможным. Даже желудок в течение последних пяти часов уже не пытался посылать сигналы о голоде. Десяток папок и отчет уже были бережно уложены на краешке стола, Гомозов тоскливо на них посмотрел и стал торопливо собираться домой. Скорее встать, выйти, пройтись, отвлечься и хлебнуть бы дома чая. Ах, как хотелось ему сейчас горячего чая, просто чая, и дома. Непременно, дома.

Быстро накинув свой сюртук и, в момент собрав деловую сумку, он выключил свет в своем тесноватом кабинете и быстро зашагал к лестнице. Потом, вдруг, остановился, решил, заглянул к начальству, попрощаться. Постучался было, но кожаная дверь была заперта, не подавала признаков жизни за ней. Филолет Степанович глянул на наручные часы:

– Что же я! Ведь никого уж нет! – сказав это, он вдруг подпрыгнул, театрально поклонился двери и неприятным гнусавым голосом произнес: – Федор Ива-но-вич! До свидания, Федор Иванович! Отчетик на столе, Ваше благородие! Готоффф! Готофф!

Спустившись на первый этаж, он кивнул вахтерше (на смене уже дремала новая) и вышел из заведения.

Домой можно было добраться на автобусе – быстро и без труда, да только хотелось прогуляться пешком, чтобы освежить мысли. Проходя по парку, темному в этот час, Гомозов сбавил шаг, чтобы насладиться вечерней природой. Хорошо, когда в парке никого нет, даже дышится свободнее, подумал он, оглядываясь по сторонам, но тут заметил объект, который неприятнейшим образом смутил его воображение.

В самом центре парка рядом с неухоженными деревьями и нестриженными кустарниками на скамейке восседал светлый силуэт, он был, кажется, женский. Распознав это наверняка, Гомозов недовольно шмыгнул носом. Приблизившись, он сумел лучше разглядеть женщину, которая уже только своим присутствием вызывала неприязнь. А уж вид-то! Вид! Светлые распущенные волосы гладкими прядями свисающие на плечи, легкомысленная одежда не по погоде: невесомое платье, поверх которого накинута длинная кофта из очень тонкой шерсти. Вся худощавая фигурка женщины скромно занимала правую сторону скамьи и для невнимательного взора могла бы остаться незамеченной. Но не для Гомозова. Он определил пребывание данной особы в пространстве так: «Прямо небесный ангел в кустах... Что за безобразие!». Филолет Степанович прижал ладонь к виску, по причине того, что от раздражения возникала мигрень. «Ох, еще и по центральной улице идти...» – злобно прошептал он и поежился.

Почему его это так расстроило? Да потому, что вечером, из своих домов «повылазят» влюбленные, и будут разгуливать, и будут парить по городским закоулкам до самой ночи. Особенно часто, по наблюдениям Гомозова, влюбленные встречались на центральных улицах. Встречались и оказывали на Филолета Степановича действие, подобно тому, что он увидел не людей вовсе, а вампиров, самых настоящих вампиров. В самом деле, они и были для него вампиры. Энергетические. Высасывали столько «крови», столько сил, после чего он два дня ходил не в себе, охваченный сумрачным негодованием. Иногда сил не хватало даже для того, чтобы себе самому высказывать недовольство, настолько эти изверги истощали его.

Гомозов ускорил шаг, чтобы избежать неожиданной встречи с нежеланными сущностями, и опустевшая дорога впереди, казалось, не предвещала щемящих душу эмоций. Эта надежда теплилась в уме мужчины до тех пор, пока он не свернул в последний поворот

своего пути между пятиэтажками, а там – рукой подать, уже виднелся краешек родного дома, вот бы и добраться в спокойствии после тяжелого трудового дня, но не тут-то было. Из боковой высотки, почти перед самым носом Филолета Степановича, из дверей вывалилась парочка влюбленных, которая так и понеслась над ступенями, так и понеслась, плавно паря в воздухе на

тридцатисантиметровом расстоянии от земли. Влюбленные направились вглубь города параллельно тротуару, еле освещенному тусклыми фонарями, шушукаясь и заливаясь мерзким фривольным смехом. Гомозова так и скрючило. «Демоны!» – обессилено прохрипел он. И если до того Филолет Степанович шел быстро, вприпрыжку, то теперь уже бежал, без оглядки, прикрыв глаза ладонью. Через каких-то тридцать-сорок секунд, а может, и того меньше, он стоял у калитки своего дома и отпыхивал, еще через три секунды – поспешно проскользнул в дверь и хлопнул ею, так крепко, что стекла ветхого терема задребезжали в своих расхлябанных древесных рамах. Гомозов так спешил, что позабыл обтереть подошвы ботинок о шершавый коврик, а это по приходу в родные стены была непререкаемая традиция.

Спустя короткое мгновение, Филолет Степанович уже лежал в кровати, накрывшись одеялом, и трясся, стараясь ни о чем не думать. Правда, получалось неважно. Только ближе к полуночи ему удалось заснуть.

Под утро, когда сквозь задернутые шторы в комнату Гомозова стал проникать тревожный желтый свет, в голове Филолета Степановича возникло пренеприятное гнусное видение. Ему давно уже ничего не снилось, а если и снилось – то он помнил урывками, но сегодняшней сюжет запомнился ему, как нельзя точно, «помнила» даже кожа. На ней к моменту пробуждения выступили мелкие капли пота, и все тело сделалось влажным и липким, от чего Гомозов ощутил себя мерзким слизнем, который обычно прячется в свежих салатных листьях.

Снился вечер. Сидит он на берегу таинственного мутного, заплывшего зеленью, болота, помолодевший, с букетом ярко-красных роз. Сидит, будто ожидает чего-то. А сам чувствует, что ожидает он неизвестного, значимого, такого, к чему, всю жизнь свою шел, но к чему именно – в разуме даже догадки не возникает. Сам не поймет... Свидание – не свидание, праздник – не праздник. Неизвестно чего ждет. Всё туманно. Только понимает он, что важно,

а что уж там явится важным – одному Богу известно. Главное – томиться и время выжидать. Так вот он сидит и ждет. Обернулся – позади лес. Вздыхнул глубоко – хорошо. Великая природа! Великая, пусть и мрачная... Вдруг Гомозов ощутил движение сбоку, будто кто-то задел его. Обернулся – никого. Что за шельма такая! Кажется невидаль всякая... Сидит дальше, взирает на спокойную гладь озера, а самому на душе беспокойно... Думает. Эх, как озеро-то тиной затянуло, даже лучу негде отразиться. Темнота... Вдруг что-то как хлестнет его по затылку, Гомозов обернулся – опять никого. Пустота. В подозрении смотрит вдаль на лес – по верхушкам деревьев пробежал волной ветер, и тут же ударило морозом ему в лицо. Деревья жалобно закачались, на лес стал опускаться черный клубившийся туман. И чувствует Гомозов, что кожа его стягивается, ссыхается, стареет. Схватился он за лицо, а всё лицо в считанные

секунды одрябло, глянул на руки – кожа на руках сделалась хрупкой, словно древний пергамент. Бежать бы, бежать бы подальше от этого леса, уносить ноги скорее! Только куда? Куда?! Несчастный и побежал бы куда угодно, но только любопытство так ухватило его, что он все всматривался и всматривался в потемневший страшный лес, в самую его глубину, в самое его сердце. Смотрит Гомозов, и видит, что катится на него из страшного леса, издалека, большой черный ком. И ком этот неясно из чего сделанный. Весь словно из тумана, но не из тумана вовсе. Из сажи. Но и на сажу едва похож. И катится ком с невероятной быстротой, точно зная, куда ему катиться – на Гомозова. Только один у него объект преследования. Тут уж Филолет Степанович опомнился, захотел встать и бежать, что есть мочи, но тут осознал, что ноги его постарели, и, несмотря на исхудалость, отяжелели совсем, сделались будто каменные, и совсем перестали слушаться, поэтому встать он теперь не мог. И только оставалось смотреть Гомозову с ужасом на тот лес, да и на ту гущу черной клубящейся энергии, что на него мчалась, а она все ближе и ближе. Вскинул он тогда взгляд вверх, словно прося помощи, да только неба не заметил – кругом одни кроны деревьев и залились они кроваво-красным, как розы в букете, что валялся возле него. Тут же сорвался ледяной порыв колючего ветра из самой глубины уже бардового леса, а следом раздался неистовый женский смех, такой, что сердце защемило, и волосы на истощавшей старой голове испуганного мужчины в одно мгновение поседели.

Гомозов долго приходил в себя, после того, как проснулся. Окончательно кошмар растворился в добротной чашке крепкого чая, которую сопровождала круглая ватная булочка с мелкими «блошками» кунжута. Но все же, при малейшем воспоминании об этом сне у Филолета Степановича пронзительно екало сердце.

Рабочий день Филолета Степановича прошел без накладок. Обидно только, что руководство не похвалило за вчерашний отчет. Дома Гомозов был уже в шесть. Не успел он войти, как тихое пространство пререзал телефонный звонок. Филолет снял трубку.
– Але.
– Филолет Степанович... Здравствуй! – послышался потрескивающий от связи голос. – Ты меня узнал? Это Жуоркин.
– Ох-хо! Конечно, узнал! Гриша! Теперь, конечно, узнал! Станиславович! – радостно прокричал в трубку Гомозов. – Как же не узнать?! По какому делу звонишь? Или, надеюсь, вовсе не по делу?! Как жизнь? Давно не видел тебя!
– Давно! Давно не виделись! Вот поэтому-то и звоню! Разве есть дело важнее, чем встретиться и поболтать со старым добрым другом?! – тут Жуоркин засмеялся. – Как у тебя дела? Как живешь? А, погоди... погоди... Не рассказывай! Обычно по телефону на такие вопросы отвечают: «Все так же, ничего не изменилось, дела – хорошо». Нет уж, нет! Давай-ка лучше встретимся, поболтаем, как

следует! Я ведь для того и звоню, чтобы встречу назначить. Увидимся, и ты мне все подробненько расскажешь про свою жизнь, чего у тебя нового. Да и я тебе тоже кое-чего помолью. Что ты делаешь завтра? Завтра ведь суббота. Ведь у тебя, должен быть, как у белых людей, выходной?

Филолет Степанович давно уже никуда, кроме работы, не ходил. Прогуляться следовало. На вопрос Журкина он несколько секунд не отвечал, даже поморщился, вероятно, подумав над словом «выходной». Причина задумчивости была все та же: ведь именно в выходные на улицах полно «раздражающих факторов», пропади они пропадом! Эх... Ну, ладно, была не была! Не дома же себя запираешь!

– Где встречаемся? Во-о сколько? – выдавил, наконец, заикаясь Гомозов.

– Я уж думал, ты заснул, на том конце трубки! Завтра. В час. В кафе Ливерпуль. Заодно и отзавтракаем по-хорошему, – отчетливо прохрипел голос Гриши Журкина.

– В час? Отзавтракаем?

– Так выходной же! Я к двенадцати только проснусь. Ей Богу, что за глупые вопросы! Завтра в час!

На улицах города было оживленно. Сегодня, в субботу, выдалась прекрасная солнечная погода, поэтому гуляющих и в самом деле было несчетное количество. Прохожие прогуливались неспешной уверенной поступью по брусчатке одной из центральных улиц. Среди гуляющих раз от раза попадались и летящие влюбленные. Гомозов старался их не замечать, но это получалось неважно. Спустя каких-то пять-шесть минут подобной прогулки в нем появилось раздражение, которое с каждым шагом только накапливалось и увеличивалось, затвердевая крепкой коррозией на его настроении. Он шел и чуть ли не плевал в сторону раздражителей его нервной системы, одно только удивление – откуда сегодня хватало ему сил на негодование подобного вида. Кафе находилось на Переходной улице.

За третьим от входа столиком Филолета Степановича уже поджидал Журкин. Увидев своего старого товарища, он тут же сорвался с места и бросился обнимать Гомозова, добротной постукивая при этом ладонью по его широкой спине. Только позже Филолет Степанович заметил, что глаза у Журкина покраснели, как краснеют обычно у людей, которые вот-вот не расплакались.

Неужто расчувствовался? – поразмыслил Филолет Степанович, смутившись.

– Ну, как жизнь? Как поживаешь?! Теперь рассказывай! – начал, наконец, Журкин, расцепив дружеские объятия. – Рассказывай! Чем живешь, как живешь, чего нового?! Эх, как же давно мы с тобой не виделись! Сколько лет прошло! Сколько лет прошло!!! Там уж, наверное, все поуволялись!

– Да, многие. А я так и живу, Гриш. Все по-старому. Почти ничего и не изменилось, – пожимая плечами ответил Филолет

Степанович.

– Да, ну! Прямо таки ничего?

– Ничего. Живу все там же, работаю всё там же... Думал вот машину покупать – передумал... Получается, все как было – так и осталось.

– А как же на личном? Семью не завел? Жениться не собираешься? У вас тут, я гляжу, любопытный городок...

– Да, что ты! Не выдумывай! – пресек Гомозов, покрывив ртом. – Что за глупости, Гриша. Жениться... Да и город у нас совершенно обычный!

– А что такого? Что дурного я спросил?! Подумаешь, жениться. Чего испугался, будто мальчишка! Скажу я тебе по секрету, Степаныч, что в нашем возрасте не так уж и опасна эта выходка. Я тут подумал, и решил куда страшнее одиночество вследствие этакой жизни. Если бы ты знал, как я боюсь одиночества... Что нашло на меня, стал бояться до сумасшествия! Даже сейчас. Вот прихожу домой с работы – а дома-то нет никого, никто и не ждет. И как-то, знаешь, не по себе, совсем не по себе. Да и не было такого раньше. Не волновало меня скудность в личной жизни, а наоборот – радовала. Ни забот, ни хлопот. Живи – не хочу! Теперь – тоскливо как-то сделалось. Признаться, я по той причине даже собаку завел. Хоть она меня дома ждет. Собака, пусть не жена, а всё хоть приятно, – он усмехнулся. – Прихожу домой, а она – тут же к двери. Встречает меня, руку лижет, хвостом вертит – радуется. Иногда даже улыбается. Представляешь, улыбается!!! А ты видел когда-нибудь, как собаки улыбаются?! Видел?! Видел?! А? Филолет Степанович холодно пожал плечами.

– Вот и я до того не видел! – не дожидаясь более ответа друга, тут же вступился Журкин. – А они ведь и в самом деле улыбаются! Переставляешь, умеют улыбаться! Пройдохи какие! Добрые они создания, эти собаки! Добрые! Далеко нам, людям, еще до них, хоть мы и на высшей ступени развития всех живых организмов, так сказать! Предобрейшие создания... Хе-хе, ей Богу! никого мягкосердечнее не видывал!

– То-то, три недели назад, на соседней улице собака трёхгодовалую девочку на две части разорвала. В самом деле, добрые, – равнодушно буркнул Гомозов.

– Ну, что ты! Что ты всё портишь! Я же не про то... я ж не про тех собак говорю. Э-э-эх, Филолет Степанович! Филолет Степаныч... – протянул обиженно Журкин и опустил глаза.

– Ты что заказывать будешь? Наверное, не завтракал еще? – спросил со всей серьезностью Гомозов после некоторой паузы, переменив тему.

– Черный чай и вон тот штрудель, что у них там на большой тарелке красуется. Его хочу. С корицей он, наверное. А еще запеканку и два кренделя, там в витрине.

– Я закажу, пойду, а то официанты совсем обнаглели! Не

замечают нас, туполобые! Не дождутся чаевых! – Филолет Степанович со скрипом отодвинул стул и, выйдя из-за стола, направился к витрине.

Когда он вернулся, диалог старых приятелей продолжился: – Так ты, значит, собаку завел? – чуть смягчившись, начал Филолет Степанович.

Журкин утвердительно кивнул, наученный тем, что распространяться с ответом не стоит.

– Чего у тебя еще за эти годы изменилось, кроме собаки-то? А?

– По пальцам не пересчитать! – немного оживился Григорий Степанович, уловив, наконец, одобрительный тон друга. – Я, собственно, по какой причине-то с тобой и встретился? Есть у меня один проектик на уме. Как только замыслил, просчитал чуть-чуть – прибыльное дело, ей Богу, прибыльное! Да, что говорить, что слова-то молоть попусту, я ведь от тебя ничего не хочу скрывать, ты же знаешь. На-ка вот, почитай! – Журкин достал из своего портфеля папку в мягком кожаном переплете и шумно бросил на стол, да и сам подпрыгнул от неожиданного удара папки о стол. – Я знаю, – продолжал он. – Я знаю, что ты человек в этом деле серьезный, все поймешь. И уверен, что на тебя можно положиться, нет надежней тебя. От других я эту папку прятал, скрывал, не заикнулся бы про нее! Но от тебя не стал! Помню, как тогда помог мне. Еле концы с концами сводил. Все помощи боялся у людей просить – совести не хватало, да унижаться не хотелось. Только ты один выручил. Да так просто, не вникая, не расспрашивая. «Тяжело, говорит, тебе в чужом городе без родных, без друзей, – и радужную бумажку передо мной на стол. – Потом отдашь». До сих пор ценю! Теперь времена-то те как в тумане. Разжился. Ни на что не пожалуешься. А твою помощь вовек не забуду. Так что, если хочешь – присоединяйся, будем коллегами. Не горишь желанием – твоё дело. Я настаивать не буду. Да, и еще, сразу скажу, во избежание недомолвок, чтоб уж не думалось. На твои материальные затраты я не рассчитываю, так и знай, с финансированием порядок. Слышал, что ты все там же работаешь, а я ведь помню, с прошлой встречи

помню, как ты грезил это болото оставить. Так что решай, думай. Моё дело – предложить, а дальше уж сам. Самому выбор делать. На последних фразах Григорий Журкин потирал свои наручные часы с видом задумчивым и сосредоточенным, пытаясь уловить каждый неслышный вздох, каждую мысль, так явно пролетающую в голове собеседника. После неторопливого молчания, Гомозов, с нескрываемым удивлением даже для себя, склонился в положительную сторону:

– Я изучу проект и сделаю правильный выбор, – вздрогнул он от своего уверенного голоса. – И возможно, чуточку доработаю. – Это правильно. Это точный ответ, что я и предполагал, – довольно прогудел Журкин.

Перед столом замаячил официант, заказ, наконец-то, принесли.

Приятели ненадолго замолчали, отдавая должное съестному на подносе.

– Так что, такие у меня дела, Филолет, – на распев выговорил Журкин, стуча ложечкой, помешивая чай, и вдруг прерывисто вскрикнул: – Еще что?! Что еще у меня нового! Эх!!! Все расскажу! Я за то время, что мы с тобой не виделись, путешествовал много. Что хотел – всё посмотрел. Махнул и во Францию, и в Италию, и в Чехию, в Лаосе был. Да что там Лаос! Даже в Болдино ездил. В прошлом году, например, в Индию занесло... Ненадолго, правда. А позже вот, приехал и собаку завел, – Журкин замолчал, его губы слегка покривились и, плаксиво пролепетали: – Единственное, что меня сейчас волнует, мой дорогой друг – это то, что я до сих пор не женился.

У Гомозова дернулся левый глаз. И едва ли Журкин, увлеченный своим откровением и разглядыванием чаинок, колыхающихся в кружке под влиянием кругового затихающего вихря, мог усмотреть сию маленькую надрывную черту, на короткий момент неодобрительно исказившую внешность приятеля. Поэтому так же отрешенно и самозабвенно он продолжал:

– Да, ладно бы там жениться! Это еще куда не шло! Я даже за свое многолетнее расточительство времени не встретил той женщины, которая оказалась бы главной находкой в моей жизни. А это ведь не так-то просто, мой дорогой друг. Не так-то просто... Ну, ты ведь понимаешь меня, наверное... Да? Понимаешь?! А собака... А собака-то что. Собака-то, как бы не старалась, все равно

женщину не заменит, – Журкин надрывно засмеялся и продолжил легко, не скрывая отличного расположения духа, вдруг снизошедшего: – Путешествовать – путешествовал. Работа – есть, да будет еще лучше! Дом – есть! Даже собака есть. Жены вот нет. А времени на расцвет не так уж и много у нас остается. Да и кому я дряхлым стариком-то буду нужен? Разве только из-за выгоды какой. Как-то, знаешь, остепениться хочется. Ну, к примеру, через годик, свою семью завести. Вот что стало в моих планах! Не в разрез с работой, разумеется, – тут говоривший деловито прикашлянул и вздохнул. – Вот так-то переменился Гриша Журкин, сторонник холостяцкой жизни! Жениться хочу. Ну, с этим что-то не везет. Оказывается, не так-то просто на наших старых порах, мой любезный, влюбиться да и жениться! Не те мы уже! Не те. Зачерствели совсем!

– Мерзость какая! – процедил ни с того ни с сего Филолет Степанович и отодвинул желеобразный нежно-розовый десерт, и, только секундой позже поднял глаза на Журкина, который сидел в недоумении. – Нет, ну ты посмотри, посмотри, что они мне принесли! Десерт! Какой же это, к черту, десерт! Это же в рот не вломишь! А ведь это еще и глотать полагается!

– Да, подожди ты со своим десертом! – чуть раздраженно, но весело вмешался Журкин, которого отстранили от задушевного

диалога. – Десерт, как десерт... Оставь его в покое. И прекрати трясти тарелку! Это становится невыносимо! Не понравился – закажи еще что-нибудь, поплотнее, нормальное на твой взгляд. А то! Я ему про женитьбу! Такую серьезную тему завожу, а он мне про десерт! Сто лет не виделись, а всё брюхо набить на уме! – Журкин приподнял хрупкую тарелочку, стоявшую перед Гомозовым, слегка потрянул ее, от чего что-то розовое и желеобразное пружинисто покачалось из стороны в сторону. – Официант. Официант! – крикнул он, привлекая к себе внимание публики кафе. Тут же к нему подбежал хиленький молодой человек в форме, и Журкин заявил: – Дistinguished, уберите, пожалуйста, это блюдо! – с явным возмущением сообщил он. – На моего коллегу оно оказывает раздражающий эффект. А у меня, вы, знаете, вообще аллергия на желатин! Жуткая аллергия! – поспешно проговорил Журкин слегка в нос. – Просто жутчайшая!..А-а-пчи! А-а-а-пчи!

Официант без лишних слов быстро схватил блюдо и в момент ретировался, испуганный тем, что сейчас громынет еще один раскат невыносимого «а-пчи», и неприязненно заденет достоинство его всеугождающей профессии. Журкин, тут же потерявший аллергический симптом, тихонько захихикал, Гомозов довольно ухмыльнулся. Беседа возобновилась:

– Я честно сказать, не только по проекту сюда приехал, – сообщил недавний аллергик. – Ты его дома, обязательно изучи! Заглянул я к вам еще с одной, особенной целью, – тут Григорий Станиславович глянул в окно, нерешительно помялся, и заговорил с задумчивостью: – Слышал давно про ваш городок! Вот что! Любопытный! О-о-чень любопытный!!! – он снова помялся. – Так же слышал, что женщины у вас тут... уж привлекательные больно. К тому же и не обманут. А это, пойми, важно для меня. Я бы не хотел абы как, любовь в пустое небо отдавать. Лучше, чтоб кому-то, и чтоб ждали, просили, да принимали. Искренности хочу я, а чтоб не одному в луженую глотку орать о чувствах-то о своих. А ваши дамы – в них меньше подлости изначально: раз уж любят – то и летают, а не любят – да и пёс с ними, других найдем, кому приглянемся! Зато сразу видно: любит она или притворяться вздумала. Т-хе! – Журкин покрутил перед собой кружку. – Этого я еще ни в одной стране не видывал. Только тут! Особенный у вас городок.

– «Женщины у нас тут привлекательные», – недовольно буркнул Гомозов и потупился. – Бабы, как бабы! Все одно. Ну, подумаешь, летают! Что в том такого? Да только нет среди них святых! Летать научатся – ходить разучатся, не полагаешь? Святые... Тоже мне! Я бы сказал тебе, кто они! – он вдруг подался вперед и гаркнул: – А, впрочем, что мне мешает?! Что мешает?! Да и скажу! Скажу, кто они! Они... они...

– Нет, дорогой друг! Не продолжай! – перебил испуганно Журкин, озираясь по сторонам. – Так нельзя! Ну, может, они и не

совсем святые, – чуть тише заговорил он. – Но скажи-ка мне лучше, кто из нас тут есть святой? Однако, мне кажется, что они чище нас. Чище и добрее. От них ласковым веет. А теперь – посмотри на нас. Что в нас есть? Что увидел?! Ну, ладно, ладно, не хмурь так брови! Оглянись-ка лучше по сторонам, и посмотри: они же не соответствуют тому, как ты нападаешь на них! Посмотри, как

улыбаются! Как смотрят! Пусть и не святые, но они же женщины. Чем они хуже нас? Вполне порядочные и прилич...

– Нет, Гриша! Э-нто ты сейчас ошибаешься! – указательный палец Гомозова недоверчиво маячил перед самым носом Григория Журкина. – Это они только с виду приличные! Ты на внешность-то не купишь! Змея-то шкурку скинет! А они все! У этих змей всегда все по схеме! Вначале – потекают тебе во всем, решения твоего не оспорят, делают вид, что увлечены тобой, интересы твои уважают. Да только потом – перетянут тебе шею, да и начнут твои мозги мукой присыпать! Я их прямо-таки насквозь вижу! Вон, посмотри повнимательнее – у каждой мешок за спиной с мукой-то эдакой.

– Ничего не вижу... – наивно вглядывался Журкин, еще не привыкший к особенностям города.

– А некоторые, что похитрее, – не унимался Гомозов. – Пыль-то эдакую в сумочках носят. Ты думаешь, они ей прыщички пачкают? Нет, мой любезный друг, они ею, пуховкой этой, нам с тобой мозги припудривают!

– Кончай! – наконец, вышел из замешательства собеседник. – Что за шутка такая, про мешки! Я ведь готов и поверить, чудак! Все за спинами поклажу выглядываю! Не для того я пришел, чтобы бредни твои слушать!

Журкин посмотрел вбок. Там, через два столика сидела парочка влюбленных. Гомозов уловил взгляд приятеля.

– А эти! – уцепился за несчастных Филолет Степанович – Эти! Посмотри на них! До чего противно! Тьфу! Видеть их не могу! – он с отвращением поморщился, помолчал секунду и тяжело вздохнул. – Счастье-то оно... сейчас только счастье. Думают верно, что друг друга понимают, ручки друг другу целуют, вон, смотри, как держатся! А что потом? – он вскинул внимательные глаза на Журкина, однако не дождался ответа. – А я тебе скажу, что потом! Дети, плети, ссоры всевозможные: пустые и не очень, работа соотносится с зарплатой, любовь – со свободным временем и усталостью. В общем, «бытовая жизнь» – одно название. Не успеют опомниться – вот уж и влюбленности конец. Наверняка он начнет гулять, – кивнул Гомозов с убеждением психолога. – Посмотри на него! Да и она туда же. И что?! И что тогда?! Тут уж глазами стол нечего буравить, Гриш. Скажи-ка лучше, как думаешь, долго их счастье теперь-то продолжится?! Долго ли, в таких-то условиях?! –

Филолет Степанович устремил насмешливый взор на собеседника, выжидая ответа.

– Ммм... – засомневался Журкин. Для него вопрос явился

неожиданно. – Но что-то ты как-то... как-то ты... – путался он, неважно пытаясь поспорить.

Но Гомозов медлить и ждать каких-то еще боольших аргументов от Григория Станиславовича не стал, поэтому перебил его многозначительную, оснащенную смысловой нагрузкой речь: – Из свободных князей – в грязи, как говорится! Да не в азовские лечебные, а в самые, что ни на есть настоящие грязи! Почти все и разойдутся, парочки эти! Кто-то из них совсем забудет про сие «высшее чувство влюбленности», тем самым приобретет лишь опыт. А у кого-то – жизнь будет всего-навсего поломанная. Что мелочиться? Слабонервных у нас предостаточно. И всё тут. Что говорить попусту! Ерунда! Издержки ваша «любовь»!

Григорий спорить не стал:

– Да, тяжело будет. Возможно, тяжело, – промурлыкал он, чуть помолчав, и заглянул в фарфоровую чашечку с болтыхавшимися чайниками. На поверхности чая, почти у самого основания кружки, плавал еле заметный перламутровый налет, который расходился трещинами, и напоминал собой тонкие крылышки лупоглазой мухи, что сейчас, замерев на столе возле сладкой крошки, начищала свою голову щетинистыми лапками.

– Вот так-то! – Гомозов самодовольно ткнул подбородком на пару вдали. – Так-то вот! Я вообще считаю влюбленность слабостью человека. И что он за человек такой! Что он за «венец природы», «ореол эволюции», когда не в силах совладать со своими же собственными чувствами?! Привидится ему объект желаний, так он и фантазирует, мечтает, да планы строит. Нет бы, осознать, какое чувство, какую тварь злорадную он в себе возвращает! Ан, нет, не хочет! Приятно ему. Он лучше будет марионеткой в насмешливых руках обстоятельств, лучше будет утопать в туманных представлениях и, специально, сам же лично, нажмет на разуме выключатель, – Филолет Степанович щелкнул языком, изобразив этот пустой механический звук. – Не смешно ли?! А все из-за чего? А я тебе скажу из-за чего! Из-за слабости его воли, либо из-за недалекости ума! А каково потом? Каково потом-то?! А?! – Дурак ты Гомозов! – вдруг буркнул Григорий, не поднимая головы.

– Это почему ж? – выпучил глаза на собеседника Филолет Степанович. – А что, разве им не тяжело будет? Я что, по-твоему, ошибаюсь?

– Тяжело будет, тяжело! – равнодушно, не желая спорить, ответил на это Журкин, все рассматривая чашку и то, что бултыхается на дне, и сменил тему: – Ну, ты глянь! Какой тонкий фарфор! Прямо тонюсенький! Словно Императорский завод ваял! Али китайский какой! Футы-нуты, понятия не имею...

– Какой китайский, какой императорский, в этой-то забегаловке?! – заметил Гомозов и более распространяться по своей теме не стал. Уловил в волнуемом воздухе, что не стоит. Он придвинул к себе свою фарфоровую пару и начал мелкими

глотками попивать кофе. Теперь уже доминату разговора перенял на себя Журкин. А Филолет Степанович молчал и внимательно его слушал. Предыдущую тему старались не поднимать, так как она могла принести лишь раздор, и оба друга это чувствовали. Журкин принялся рассказывать про свои путешествия, в основном про Индию. О том, как много бедняков в этой стране, о том, что змеи заползают в дома почти каждый день, а наглые обезьяны, если не закрыть окно, устраивают в комнатах свой «порядок» равный пятибалльному урагану.

Все же, подводя итоги дня, Гомозов остался доволен, что сегодня выбрался из дома. Встреча со старым приятелем позволила Филолету Степановичу выговориться и, наконец, восполнила недостающую потребность в общении. Да и монологи Григория Станиславовича о путешествиях были весьма прелюбопытны, пусть иногда и противоречили мнению самого Гомозова (это относительно некоторых моральных ценностей), но все же, Журкин был славным рассказчиком. «Почаще бы выходить на подобные прогулки, с таким, вполне незаурядным другом», – вот о чем подумалось Филолету Степановичу, позже, когда он тянул пятки на диване.

Остальные же товарищи Гомозова давно стали ему омерзительны. Омерзительны, по его же собственным убеждениям. Они, малахольные, поддались чувству, которое, как считал Филолет Степанович, пагубно влияет на человека. Пагубно. Очень пагубно. Ведь одно дело рассуждать о пакости, другое – следовать ее законам, жить по ним, объяснял он себе.

Домой после встречи с Журкиным, Гомозов шел с высоко поднятой головой, с возвышенным осознанием собственного достоинства. И даже при встрече со «слабодушными», (а их было видно сразу, ведь они не касались земли), он не торопился, как прежде, а наоборот – замедлял шаг, ставя перед собой задачу ценного наблюдения за этой мезгой общества. Теперь Гомозов всецело ощущал необычайный духовный трепет, свое внутреннее превосходство, верх, над безвольными, заполонившими город, ватноумными существами.

В понедельник на свой законный трудовой пост Филолет Степанович пришел привычно, без опоздания. В его кабинете на столе уже красовалась новая папочка с очередными заданиями. На сей раз она была чуточку толще завсегдашней, ибо все добропорядочные начальники, судя по особенностям потенциала своих работников, заботятся о том, чтобы те не заскучали без дела. Похоже, снова задержусь, – подумал Гомозов, и, не медля ни секунды, принялся за бумажную волокиту.

К своему удивлению закончил вовремя, возможно это хорошие выходные давали о себе знать. После того, как он отнес папку начальству, можно было со спокойной совестью поспешить домой. Гомозов глянул на часы – как раз в скором времени должен идти

рейс социального автобуса. Филолет Степанович сорвал с крючка свой сюртук, быстро набросил его на плечи, собирать свою рабочую сумку не стал (вроде бы ничего не выкладывал, некогда было), просто схватил ее и бросился со всех ног вон из помещения. Так и есть – автобус уже приближался к остановке.

Когда дверки открылись, Филолет Степанович сделал широкий прыжок и мгновенно оказался в салоне транспорта. Дверки закрылись, автобус тронулся. Сдавленный воздух, пропитанный мириадой скромных запахов, ударил в ноздри и на втором вздохе сделался невесомым и привычным. Вальяжно колыхающиеся ремни на поручнях не предвещали беды, как вдруг послышался грубый монотонный голос женщины-контролера: – Передаем за проезд! – голос, суровые колебания которого, словно топором рубили застойные толщи воздушных молекул в сдавленной атмосфере транспорта, и Гомозов открыл свою сумку и

принялся нервно в ней швырять, отыскивая кошель, в котором лежал проездной.

Но вот незадача – кошелька не находилось! Неужели оставил на работе? Вот ещё! Не может быть! Исключено! Так, так... Ходил на обед, а после? Я все же ходил на обед, – думал он. – А после? После – положил кошелек в ящик? Да, да, так и было. Положил кошелек в ящик. Возможно, по какой-то глупой привычке положил кошелек в ящик!

– За проезд передаем! – не давал сосредоточиться требовательный неженородный контрольто. – Мужчина, это я вам! Вам говорю! – кондуктор кивнула округлостью подбородка в сторону Филолета Степановича.

Выходит, забыл! Забыл! Забыл в ящике! Наконец-то сложилась цепочка мыслей в голове Гомозова, при этом выражение лица его приняло умалишенный, растроганный вид. Его нет, кошелька нет! И проездного – тоже нет!!!

– Я не могу оплатить вам проезд, – сказал Филолет Степанович спокойно и чуть сентиментально, уставившись в назойливо смотрящие на него глаза кондуктора.

Женщина от такой неслыханной наглости в секунду покраснела. Ее охватило отчаянное негодование:

– Как это не можете оплатить?! – воскликнула она, и на момент в салоне возникла возмущенная пауза, многозначительнее и страшнее всяких слов.

Сердце Гомозова екнуло и упало в пятки, а глазам вдруг начало мерещиться, что контролер в момент выросла над ним. Она огромная, смотрела свысока, поползла вширь, и испуганному происходящими метаморфозами Филолету Степановичу почудилось, что сейчас эта необъятная масса приблизится, вберет его в себя, заглотит и утаит навеки в своих малоподвижных телесах. Но его воображение вовремя пресеклось, пресеклось от шквала звуков, нещадной атакой хлынувших, в ушную раковину: – Не можете оплатить, и что я должна делать?! А?! – женщина начинала

принимать свой обычный облик, точно сдувалась. – Поглядите-ка на него, он не может оплатить! Он, в рубашке с белым воротничком, и не может оплатить! А кто за вас должен платить?! Я что ли, я должна за тебя платить?! – за короткое мгновение, Гомозов осознал, что связь между ним и женщиной возросла, они перешли на «ты». – Ишь какой! – взвизгивала развязная собеседница. – Не

можешь заплатить, тогда выметывайся! Выметывайся на следующей остановке!

– Женщина, следите, за своими словами, – приглушенно выдавил оскорбленный, отдавая дань остаткам достоинства.

– Это я-то не слежу за своими словами?! Это я не слежу за словами?! – грузно загремело в ответ, и посыпались молнии: – Тоже мне, интеллигент нашелся! Нет, вы посмотрите, он еще будет учить! Будет учить меня как себя вести! Нет, этого я так не оставлю!.. До следующей остановки этот хам не доедет в моем автобусе! Такое себе позволять! Такое позволять! – она весьма женственно откинула пышные волосы назад и тут же вскрикнула: – Валера!!! Валера! Останови! Тут молодой человек выйти хочет! Автобус послушно остановился, внимая главнокомандующей, двери открылись.

– Я не выйду! – вдруг, дивясь самому себе, своему упорству, вступился Филолет Степанович. – У меня есть проездной! Только сегодня я его забыл! На работе!

Раскат грома вновь заклокотал, где-то вдали, и тут же «сверкнуло», прорезав пространство:

– Знает, что забыл и садится! Вот наглости у людей! А ну, выметывайся, тебе сказали! Вон! Вон из моего автобуса! – женщина-контролер цедила слова, кидала первые, еще невесомые градовые камни, подходила все ближе, верно готовясь помочь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.